Платона о государствѣ, нежели для пониманія заповѣдей, которыя запрещаютъ убивать, красть, лжесвидѣтельствовать или повелѣваютъ удѣлять бѣднымъ извѣстную часть достоянія. Философскія ученія распространялись среди людей, болѣе просвѣщенныхъ, болѣе привыкшихъ къ мышленію, нежели тотъ кругъ, который усвоивалъ религіозныя ученія. Уже это одно служило важнымъ залогомъ того, что ученія мыслителей не будутъ искажены въ значительной степени. Сюда присоединялась и другая причина: каковъ бы ни былъ образъ жизни человѣка, добродѣтельный или порочный, съ нимъ не стоитъ въ противорѣчіи ученіе о законахъ мышленія, о сущности государства, о взаимоотношеніи земли и солнца и многое другое, а потому и не было сильныхъ побужденій искажать эти ученія.

Толстой неправъ, считая невѣжественными людей, которые признаютъ жизнью только существованіе человѣка между рожденіемъ и смертью; нѣтъ основанія приравнивать ученіе новѣйшаго матеріализма тѣмъ грубымъ представленіямъ, которыя мы привыкли называть матеріализмомъ первобытныхъ дикарей. Если даже допустить, что жизнь человѣка не ограничивается его земнымъ существованіемъ, и тогда приходится говорить именно о послѣднемъ, какъ о жизни. Человѣкъ можетъ ставить себѣ для земного существованія самыя разнообразныя задачи: онъ можетъ, уступая своимъ порочнымъ наклонностямъ, вести дурную жизнь; но онъ можетъ неустанно бороться съ ними и жить добродѣтельно. А что можетъ сдѣлать человѣкъ для того отдѣла своей жизни, который, по мнѣнію Толстого, лежитъ за нимъ до рожденія и продолжается послѣ смерти? Для перваго—періода жизни до рожденія—человѣкъ, очевидно, не можетъ сдѣлать ничего; онъ не можетъ даже дать, хотя бы только для самого себя, сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе того, чѣмъ онъ былъ до рожденія. Столь же безсиленъ человѣкъ создать для себя формы жизни и въ третьемъ періодѣ, который, будто бы, наступаетъ послѣ смерти. Подвизаясь въ добродѣтельной жизни, человѣкъ можетъ мечтать, что укрѣпленіе и развитіе добрыхъ чувствъ будетъ плодотворно и для его загробнаго существованія, но какъ и что будетъ,—онъ не знаетъ. Такимъ образомъ, какъ бы человѣкъ ни относился къ вопросу о безсмертіи души, все его существованіе заполнено заботами объ улучшеніи земной жизни.

Толстой впадаетъ въ крайнюю неясность и по вопросу о связи, которою разумное сознаніе человѣка соединяетъ его съ